

ПРАЗДНИЧНО, ОСТРО, ТЕАТРАЛЬНО...

ЕСТЬ люди, пассивно пребывающие в искусстве, есть люди, которые искусству служат, и есть такие, которые фанатически им одержимы. К числу последних принадлежит Буриан. Это поистине неутомимый труженик. Для него нет недостойного дела в театре — от создания пьес до установки декораций на сцене. Он артист, режиссер, вдохновитель сильного театрального коллектива, драматург, автор музыки ко многим спектаклям, сочинитель балетов и опер. Естественно, что искусство его театра синтетично и многогранно.

Черты творческой личности Буриана отчетливо отразились в поставленной им «Опере нищих» Гая — Брехта на музыку немецкого композитора Курта Вейля.

Творчество английского писателя Гая, чьим сюжетом воспользовался Брехт для создания «Оперы нищих», нам знакомо мало. Но черк Брехта, его художественное кредо выражены в «Опере» последовательно и сильно.

Обращение Буриана к «Опере нищих» понятно. Брехт — писатель-философ, писатель социальный, писатель театральный. Он берет, казалось бы, частный случай, рисует экзотическую среду лондонских нищих, уголовников, проституток, но в них, как в клеточке, видит пороки и язвы всего буржуазного общества. Эти лондонские труппы, как сточные каналы большого города, вбирают в себя его миазмы. И здесь живут по законам волчьей стаи, бесстыдно выставляя напоказ свое духовное уродство, свой жесточайший аморализм. Здесь сутенерство стало делом привычным, здесь женщины, обливаясь слезами, продают любимого в руки полиции, а шериф обнимается с гангстером, так как один без другого не может существовать. Предприятие Пичема, несмотря на его необычность, копирует принципы любого буржуазного треста: здесь даже нищенство стало предметом торгового, здесь наживаются на эксплуатации людских увечий, относятся к ним деловито, их систематизируют и «оснащают». И все это вместе создает картину «нищего мира» капитализма, который так ненавидел Брехт.

Финал спектакля особенно знаменателен. Борьба «короля нищих» Пичема и бандита Мэчиза, соблазвившего его дочь Полли, подходит к концу. Под давлением Пичема шериф Браун вынужден отправить своего друга на виселицу. Но ведь все могло быть совершенно иначе — могло подоспеть помилование Мэчиза, ибо, если бы не существовало гангстеров, чем бы занимался Скотланд-Ярд? И вот, повинувшись воле автора, актеры переигрывают финал. Мэчиз помилован в честь коронации королевы и вновь обнимается с шерифом. Так замыкается круг, подтверждая мысль Брехта о том, что в буржуазном мире правосудие неосуществимо, что уничтожить преступность можно, лишь уничтожив капитализм.

Режиссер ни в чем не оправдывает брехтовских героев, его не интересует их внутренний мир, их некрасивые переживания. Спектакль, если можно так выразиться, сознательно непсихологичен. Но сатирическая картина, в нем возникающая, создана коллективом, творящим в иную эпоху, в иных социальных условиях. Для этого коллектива обстоятельства пьесы Брехта — предмет истории, хотя и недавней. И, может быть, именно потому, что недавней, что чешский народ лишь десятилетие как расстался со своими пичемами и мэчизами, царит в спектакле ликующая, праздничная, почти карнавальная атмосфера, контрастирующая с мрачным сарказмом Брехта и своеобразно подкрашивая его.

Ироническая условность задана режиссером и ощутима во всем строе спектакля, в характере его выразительных средств. Песенка-парад актеров, выходящих на сцену из зрительного зала, их первый вальс, где кружатся все персонажи спектакля, каждый в своем самочувствии и ритме, пустая сцена, над которой, как символ пичемовского мира, висит кружевная, вся в дырках, палатка-тряпка; помощник режиссера, с гонгом в руках останавливающий действие словечком «перестановка!», и самая эта перестановка, которую осуществляют актеры, собственно ручно выносятся из-за кулис незатей-

ливые детали условных декораций; шуточные комментарии ведущего; поминутные обращения персонажей в зрительный зал — вот черты стиля этого спектакля, достаточно серьезного в своих идейных основах, но не упускающего случая напомнить зрителям, что они находятся в театре.

Буриан не боится этого разрушения иллюзии. Для него, как и для Брехта, важнее всего те зрительские размышления, которые возникнут в итоге спектакля. Он апеллирует к уму больше, чем к сердцу смотрящего. И хотя для нас, русских актеров, режиссеров и зрителей, заключен в этом известнейший проигрыш, — нам ближе спектакли, пусть самые сатирические но основанные на живом человеческом переживании, на «правде и вере» героев в происходящее на сцене, — мы не можем не отдать должного талантливости, с какой решена Бурианом «Опера нищих». Не можем не удивиться изобретательности и щедрости его режиссерской фантазии, блестящей которой разбросаны в изобилии по всей ткани спектакля.

Работу актеров, занятых в «Опере нищих», следует оценивать лишь по законам, которые сами они над собой поставили. Неверно было бы требовать от них в условиях этого спектакля глубины перевоплощения, внимания к внутреннему миру героев. Они продемонстрировали другие качества: мастерство внешней характеристики, высокую культуру жеста и движения, физическую тренированность, музыкальность. Образы ими созданные, мало индивидуализированы и стоят на грани пародии.

Наиболее отчетливо выдержан в этой манере образ г-жи Пичем, созданный Зузаной Кочовой. Актрисой метко схвачены и собраны в характер черты опустошенности и безразличия, лукавства и предприимчивости, цинизма и озорства. Роль сыграна остро, гротесково, хотя с нашей, «русской» точки зрения прием временами излишне обнажен.

Социально точный портрет бандита Мэчиза создает Отакар Броусек. Его Мэчиз буржуазен во всем; он как бы воплощает в себе буржуазную респектабельность, этот убийца в белых перчатках, что само по себе является образом капиталистического мира. Актер играет иронично и в то же время довольно искренно; в его метаньях по тюремной клетке, когда дело принимает дурной оборот, живет начало подлинного драматизма.

Остальные исполнители запоминаются меньше, хотя нельзя отказать Виоле Зинковой, играющей Полли, в сценической легкости, изяществе и обаянии, Карелу Линцу в роли Пичема — в какой-то философической мудрости, а «тигру Брауну» Феликса ле Брё — в хорошо схваченной актером повадке хищника, скользящего по жизни на мягких кошачьих лапах.

...Сыграно несколько спектаклей театра «Д-34». Они продемонстрировали немало интересного и укрепили наши симпатии к жизнерадостному, ищущему, трудолюбивому коллективу.

Валентин ПЛУЧЕК.

Собирательная рукопись 15. V. 58